

Фома Аквинский

О ПРИРОДЕ СЛОВА ИНТЕЛЛЕКТА<sup>1</sup>

Так как вокруг природы слова интеллекта, без которого не постигается образ Троицы, выраженный в человеке, множество трудностей и чрезвычайное многословие смущают дух, попытаемся вкратце передать его природу, а сверх того также и касающиеся его трудности обнаружить.

## О том, что есть слово

Слово принимает форму от названной вещи

Прежде всего, следует иметь в виду, что слово по своей природе имеет большее сходство с называемой им вещью, чем с говорящим, хотя в говорящем присутствует как в субъекте (*in subiecto*). Ведь всё получает природу от того, от чего принимает форму (*species*) и получает имя, так как форма и есть общая природа вещи. Слово же принимает форму от названной вещи, а не от говорящего (разве что в случае, когда тот называет себя): подобно тому, как слово «камень» отличается по форме от слова «осел»; слово же, произносимое разными [людьми] об одной и той же вещи, по форме одно и то же. Причина этого в том, что любой результат более связан с основанием (*cum principio*) действия действующего, чем с самим действующим, с которым [результат] только соотносится в соответствии с самим основанием: ведь это [основание] есть то, что связывается (*communicatur*) с результатом через действие действующего. Подобие же называемой вещи есть основа творения слова о вещи, которая вновь открывается в слове через говорящего, соединенная (*communicata*) сама с собой; и поэтому само слово иногда называется подобием вещи, а иногда, собственно, словом о вещи, где бы это подобие ни выражалось (*exprimitur*): или в части воображения<sup>2</sup>, так, как

<sup>1</sup> De natura verbi intellectus // Sancti Thomae Aquinatis Opera Omnia (cum hypertextibus in CD-ROM) ut sunt in Indice Thomistico; additis 61 scriptis ex aliis auctoribus; curante Roberto Busa SJ, 1980.

Текст с латыни впервые переводится на русский язык.

<sup>2</sup> Pars imaginativa – у Аквината одно из четырех внутренних чувств, в котором находятся образы, воспринятые пятью внешними чувствами и соединенные воедино общим чувством (*sensus communis*), перед тем как поступить в память. В воображении эти образы содержатся уже после того, как непосредственный контакт с объектом уже утерян.

воображенный образ (*phantasma*)<sup>3</sup> Карфагена есть название (*verbum*) Карфагена, следуя Августину<sup>4</sup>; или в нашем уме, где находится совершенный смысл (*ratio*) слова, тот, который придается образу<sup>5</sup>. В словах же, которые создаются в воображении, смысл слова не выражается. Ведь одно [дело] – то, откуда происходит подобие<sup>6</sup>, и другое – то, в чем [оно] завершается (*terminatur*)<sup>7</sup>. Творится же (*exprimitur*) чувством, и завершается в ходе самой фантазии (*phantasia*), так как фантазия есть актуальное движение, сделанное чувством, как говорит Философ<sup>8</sup> в третьей [книге] «О душе»<sup>9</sup>.

Разум – причина слова

Но над интеллектом<sup>10</sup> нет ничего, в чем он выражал бы что-нибудь; и следовательно, то, что выражает, не отличается от того, в чем [нечто] выражается; так, в Боге не различаются Отец творящий (*exprimens*) и то, в чем запечатлевается (*recipitur*) выраженное. Но при этом в нашем уме есть несовершенство, поэтому различаются то, что выражает, и само выраженное слово, чего в Боге не происходит; и поэтому Слово Бога есть Бог, разум же наш своим словом [т.е. словом о себе] не является, и говорить не является его свойством, а это ближайшая (*proxima*) причина слова.

Рождение слова

Рождается же наше слово из познания чего-либо, имеющегося в нашей памяти, которая [т.е. память] здесь есть не что иное, как сама способность восприятия (*receptibilitas*) нашей души, в каковой способности она [душа] так же удерживается (*tenet se*), согласно Августину, даже когда не осознает себя, а исследует [нечто] другое вовне. Следовательно, первый процесс в рожде-

<sup>3</sup> Здесь, кажется, некоторая неточность. У блаженного Августина Карфаген – это не фантазм, а фантазия, т.е. не воображаемый образ того, что он никогда не видел, а, напротив, образ реально виденного в памяти. Аквинат не проводит различия между фантазмом и фантазией, и у него фантазмом называется и тот и другой образ. (В данном фрагменте, однако, он сохраняет концепцию цитируемого им Августина.) Фантазм характеризуется смутностью и сохраняет индивидуальные особенности предмета, в отличие от интеллигибельной формы (*species*). См.: Peifer J.F. *The Concept in Thomism*. N.Y., 1952.

<sup>4</sup> *Contra Faust.*, XX, 7; *De gen. ad litt.*, XII, 6, 15.

<sup>5</sup> То есть образу, взятому из памяти или из чувства.

<sup>6</sup> То есть из воображения.

<sup>7</sup> Понятие *terminus* следует переводить как «предел» (в математике): то, к чему действие стремится. В этом смысле предел является одной из причин действия – целевой причиной.

<sup>8</sup> Аристотель.

<sup>9</sup> *Arist.*, *De an.*, 428b10-17.

<sup>10</sup> Имеется в виду божественный интеллект.

нии слова – когда ум воспринимает из памяти то, что ему предлагается, не лишая ее ничего (как если бы он в ней ничего не оставлял), но принимая в себя подобие имеющегося [в памяти]; и это подобно тому, что имеется в памяти, и поэтому то, что воспринимается умом, называется иногда словом памяти; но при этом [память] не имеет совершенного смысла (*perfectam rationem*) слова, а имела бы, если бы ум только воспринимал бы [слово] от памяти, создающей [его]. Но так как памяти не свойственно никакое действие, а при действии она только держит [нечто] не закрепленно, как бы готовая [отдать это] берущему от нее, интеллект в свете своем берет это; причем совершенного смысла слова [он] не получает. В Божестве же Отец, которому соответствует память согласно порядку (*in ratione ordinis*), или порождению (*originis*), творит полностью, так как Отец то, что имеет, не только содержит, как память у нас, но так как Его совершенное свойство (*suppositum completum*) – творить, следовательно, порождает Сына. Ведь при таком порождении нечто, как бы от Отца принимающее, не воздействует (*praesupponitur*)<sup>11</sup> на другое, как бы принятое; у нас интеллект принимает [нечто] от памяти, и воздействует (*praesupponitur*) на порождение [слова]; а там Сын порождается Отцом, как если бы весь наш интеллект был из нашей памяти, и не подобно одно – другому.

Пределы действия  
интеллекта

Следовательно, при том что интеллект, оформленный [интеллигибельной] формой<sup>12</sup>, рожден действовать, пре-

<sup>11</sup> Ср. употребление *praesupponitur* в S.Th. I q.2, ar.4

<sup>12</sup> *Species intelligibilis* (в тексте данного трактата в большинстве случаев именно этот бином имеется в виду пол *species*) – понятие неоднозначное и трудное для перевода. Это латинская калька с греческого «εἶδος», буквальный перевод на русский язык – «вид, образ, форма». У Фомы это важный термин, означающий инструмент познания вещи, происходящий от нее самой и сливающийся с потенциальным интеллектом в единое целое. По предложенной в данном тексте модели именно он является инициатором познания. В отличие от «формы», как ее понимает Аристотель, *species* Аквината – это не только «образ», но и воля, интенция, направленная к познанию данного объекта, что и позволяет ей быть причиной познания, осуществляемого с ее помощью. В нашем случае уместнее всего будет перевод *species* как «интеллигибельной формы», так как ее единственный смысл и функция – служить процессу порождения внутреннего слова и познания через него вещи, и нигде и никак иначе она, собственно, не существует. Впрочем, оправдан перевод и как «формы» без специальных уточнений, так как лишь в некоторых фрагментах текста автор счел нужным специально оговорить «*species intelligibilis*». О *species* см. также примечание Т.Ю. Бородай в работе: Фома Аквинский. Сумма против язычников. Кн. I. Долгопрудный, 2000. С.443–444.

дел (*terminus*) любого действия есть его объект (*obiectum*), действие опирается на объект; объект же его [действия] есть какая-либо чтойность (*quidditas*)<sup>13</sup>, формой которой он оформлен, каковая [форма] не есть причина (*principium*) операций или действий, кроме как из-за собственного значения того, чья форма. Объект же не находится в самой душе, преображенной его формой, так как объект внешен по своей природе; движение же души не происходит вне ее, так как размышление есть движение в душе, как по природе [интеллигибельной] формы, которая ведет к данной чтойности, так и по природе интеллекта, чье действие не направлено к [чему-либо] внешнему.

Постижение  
смысла объекта

Первым делом он [интеллект] с помощью [интеллигибельной] формы формирует свой объект<sup>14</sup>, и после того как тот сформирован, познает [его]; однако [он] в одно и то же время и формирует, и сам формируется, и в то же время познает, так как все это есть не движение от потенции к акту (ведь интеллект уже приведен в [состояние] акта посредством [интеллигибельной] формы), а совершенный переход (*processus*) от акта к акту, где не требуется никакой формы движения<sup>15</sup> (*species motus*). И поэтому, как [уже] сказано, такого рода объект формируется в самой душе, а не вне ее, так как [он] будет в душе как в субъекте, но представляет собой подобие внешней вещи. А то, что есть в душе как в субъекте, создается в ней как некая способность (*habitus*)<sup>16</sup>. Эта способность достигает совершенного воплощения (*perfecta ratione*), когда соединяется с действием (*actui*): в этом природа достигает совершенства. А [она] достигает совершенства с помощью естественного света интеллекта, который вовлекает интеллигибельную форму в то<sup>17</sup>, чем и под воздействием чего она постигается. А тот свет, который интеллект<sup>18</sup> получает вместе с формой (*cum specie*) от действующего [интеллекта], распространяется (*diffunditur*)

<sup>13</sup> В отличие от формы, *quidditas* относится к конкретной вещи, а не к более или менее общему понятию.

<sup>14</sup> То есть слово интеллекта.

<sup>15</sup> По Аристотелю, различается шесть видов движения: перемещение в пространстве, возникновение, уничтожение, рост, уменьшение, качественные изменения.

<sup>16</sup> *Habitus* – способность, навык интеллекта порождать внутреннее слово благодаря интеллигибельной форме (*species*).

<sup>17</sup> То есть в процесс познания.

<sup>18</sup> Потенциальный интеллект. В отличие от него, актуальный интеллект есть источник «естественного света», благодаря которому все познаваемое познаваемо. Функция потенциально-интеллекта – в слиянии с интеллигибельной формой (см. ниже). Потенциальный интеллект, по Фоме, принадлежит человеческой душе, актуальный – Богу.

через действие потенциального интеллекта (*intellectus possibilis*), оформленного такой формой, когда формируется объект<sup>19</sup>, и остается со сформированным объектом; и в этом [и состоит] полный смысл слова, когда в нем познается чуждость вещи. Как в начале действия интеллект и [интелигибельная] форма (*species*) не есть два, но одно целое, сам интеллект и освещаемая форма; так [они] в конце и остаются одним, так сказать, совершенным подобием, порожденным и выраженным интеллектом; и оно [подобие], полностью выраженное (*expressum*), есть слово, которое есть целостное выражение (*expressivum*) называемой вещи, и полностью то, в чем вещь выражается; и начало этому – интеллект<sup>20</sup>, так как вещь не понимается иначе как в нем. [Он] как зеркало, в котором вещь видится (*cernitur*), не превращаясь в то, что в нем видится [т.е. в свое отражение]. Ведь [изображение] создается действием природы, чтобы в нем [в зеркале] что-нибудь узнавалось; природа же не делает ничего излишне (*superflue*), и, следовательно, [вещь] не превращается в это зеркало – точнее, в то, что в нем видится. Слово же сердца<sup>21</sup> есть последнее, что интеллект может создавать (*operari*) внутри себя. В нем же [в слове], так как оно есть то, в чем воспринимается чуждость вещи, точнее, так как само оно есть подобие чуждости, заканчивается понимание. Так интеллект получает смысл (*rationem*) объекта<sup>22</sup>. Когда же [смысл] выражен интеллектом, он соединяется с говорением; и так само [звучащее] слово есть результат (*effectus*) действия интеллекта, который формирует объект, и самой речи.

«Слова нет без мышления в действии»

Но здесь обнаруживается некоторая разница: то, что познается, может быть в интеллекте и оставаться в интеллекте, а не в действии интеллекта; то, что говорится, может быть сказано, но не может оставаться сказанным иначе как во время акта говорения; отсюда, в интеллекте может оставаться [интелигибельная] форма объекта в возможности (*in habitu*). Ведь я произношу то, что сформировано, но [оно] не остается в том, в чем сформировано, без света, в действии которого что-либо познается. Следовательно, слова нет без мышления в действии (*sine intelligere in actu*), но, возможно, сам пустой<sup>23</sup> (*nudum*) интеллект может удерживаться в возможности познания (*in habitu*). Этот навык, как говорят, – не только сама спо-

<sup>19</sup> То есть слово интеллекта.

<sup>20</sup> То есть потенциальный интеллект.

<sup>21</sup> Выражение «слово сердца» эквивалентно выражению «слово интеллекта».

<sup>22</sup> То есть чуждости через интелигибельную форму.

<sup>23</sup> То есть не слившийся с интелигибельной формой.

способность запоминания (*potentia memorativa*), которая предшествует интеллекту; скорее, сам интеллект рожден удерживать (*retinere*) свой объект, благодаря природе памяти, которая раньше него. Каждое же более раннее сохраняется в своем последующем, и, следовательно, сама завершенность (*perfectio*) объекта<sup>24</sup> заложена в этой способности<sup>25</sup> (*habiti*) интеллекта, как уже сказано, а также завершенность слова свыше<sup>26</sup>. Из этого ясно, сколь много нам недостает до воплощения (*repraesentatione*) Сына, [когда речь идет о] божественном, так как само наше понимание (*intelligentia*) не выводится из нашей памяти, из которой, однако, берет начало и смысл деятельности. Это [понимание], будучи выведенным целиком из памяти, само было бы словом своей памяти; а значит, не говорилось бы и не выражалось бы иначе как сказанное и выраженное своей памятью, так как иначе ложно сказалось бы и выразилось; так в божественном Слово говорится не в процессе рождения и выражения, но будучи уже рожденным и выраженным.

Слово существует  
в становлении

С другой стороны, очевидно, отчего о слове говорится только в отношении Ликов (*personaliter*) [Троицы]. Ведь наше слово всегда непрерывно создается (*fieri*), так как для него быть всегда завершенным [значит быть] в становлении (*in fieri*); но оно не является незавершенным, как если бы оно не существовало все одновременно, как это бывает со всем остальным, что существует в становлении и поэтому всегда не завершено; напротив, слово<sup>27</sup> в своем основании (*in principio*) завершено, так как его концепт<sup>28</sup> (*conceptio*) завершен, и тем не менее его [свойство] быть завершенным сохраняется тем же способом, каким оно [слово] рождалось. Ведь слово не передается [неизменным], будучи однажды сформировано, но непрерывно образуется в процессе мышления, так как оно всегда в становлении и в исхождении от чего-то — можно сказать, от говорящего. И это соответствует порождению Лиц Бога (*processionibus personarum*)<sup>29</sup>. Ведь мышление, происходящее в покое, божественно по сущ-

<sup>24</sup> То есть не «полуфабрикат», как все промежуточные подобию, а готовый смысл слова.

<sup>25</sup> Можно предположить, что от памяти, которая предшествует интеллекту, в последнем сохраняется некоторая способность, связанная с сохранением возможности познания.

<sup>26</sup> То есть в Боге.

<sup>27</sup> То есть звучащее слово.

<sup>28</sup> То есть слово интеллекта; см. у Аквината *De potentia* q.8, a.1; *S.G. I*, 53.

<sup>29</sup> *Processio* = origo (см. *S. Th. I*, q.2, ar.1).

ности; говоря же о процессе речи, например, о произнесении слов, имеют в виду Лики [Троицы].

### О том, как рождается слово

Слово – выражение постигаемой мысли

Теперь остается увидеть, рождается ли слово через отражение (*reflexionem*) действия интеллекта или через прямое действие. Для выяснения этого следует рассмотреть [вопрос о том], что слово, будучи выражением (*expressivum*) постигаемой вещи, не является отраженным (*reflexum*); также и действие, которым формируется слово как выражение чуждотности (*quidditas*) воспринимаемой вещи, не является отраженным (*reflexa*); иначе все мышление было бы отраженным, так как всегда, когда нечто актуально мыслится, формируется слово.

Действие интеллекта внутри себя самого

Отсюда очевидно, что интеллект может производить прямое действие внутри себя самого, и это всегда есть его собственное действие, которое завершается (*terminatur*) в объекте, сформированном им [интеллектом] и в нем. Ведь образуется [нечто] одно из интеллекта и [интелигибельной] формы, которая есть основание своего действия, и ему свойственно действовать; отсюда эта форма и есть первое, чем действуют, но не для которого<sup>30</sup> (*non autem ad quam*) [действуют]; и наш интеллект не рассматривает эту форму подобно образцу для себя, а нечто другое как слово, соответствующее этому образцу. Так же не получилось бы единого из интеллекта и формы, если бы интеллект не мыслил, сделавшись чем-то одним с формой, но, оформленный самой формой, создавал бы нечто другое по отношению к себе, не превращаясь в нее [форму]. Форма же, так воспринятая, всегда ведет к первому объекту<sup>31</sup>.

Понимание себя как другое посредством слова

Отсюда очевидно, что само слово интеллекта производится через прямое действие; однако, так как [интеллект] не посылает (*mittit*) к чему-либо другому свои концепты<sup>32</sup> (*conceptiones*), как делает чувство, он есть то, что может благодаря своим действиям<sup>33</sup> быть воспринятым обратно (*super actus suos reflecti*), когда хочет, чего не может чувство; ведь [интеллект] не пользуется посредничеством (*medio*) тела, которому не свойственно воспринимать (*percipere*) то, что в нем делается. Но так как есть одно действующее, с которым и сама [интелигибельная] форма становится единой, будучи духовно (*spiritua-*

<sup>30</sup> То есть оно не является целевой причиной, пределом (*terminus*).

<sup>31</sup> То есть *quidditas*.

<sup>32</sup> То есть внутренние слова – результат его деятельности.

<sup>33</sup> Здесь *super* – благодаря. Ср. S. Th. I q.2 ar.4; q.3 ar.2

liter)<sup>34</sup> причастной к его [действующего] жизни (in participando vitam), [действующее] воспринимает свое действие, если хочет, полностью, чего не может чувство. Ведь душа нуждается в этой форме не для того, чтобы быть познанной собою, но для того, чтобы познавать: ведь в себе [она] имеет [то, что нужно], чтобы быть познанной<sup>35</sup>, но не [то, что нужно], чтобы познавать<sup>36</sup>. Понимает же себя как другое, как говорит Философ<sup>37</sup>: это происходит посредством формы, так как другие сущности так постигаются. Чувство же нуждается в органе, в котором оно бы действовало; орган же не возвращает [действие] посредством себя (non redit supra se), следовательно, нет обратного движения (reflexio) в чувстве.

Рождение слова не  
есть отражение

Также следует рассмотреть, что рождение слова кажется подобнейшим отраженному познанию (cognitioni reflexae); поэтому многие считали его отраженным. Ведь когда душа, оформленная [интеллигибельной] формой, создает в себе слово, то не образует его в [чем-то] внешнем по отношению к себе, не оформленном формой, как бы простирая (extendat) от себя [нечто] другое по отношению к себе, не оформленное первой формой, чтобы [сначала] в нем сформировалось первое слово, и само [слово интеллекта] было бы сформировано словом, в нем [вовне] формируемым. Тогда казалось бы, что она простирается как бы напрямую, и так через прямое действие формируется слово. Но слово рождается в ней [душе], оформленной первой формой, а не в другом по отношению к ней, пустом (nudo), тем [действием], которым [она] оформлена. Поэтому это рождение кажется подобным отраженному [действию]. Но следует знать, что, так как отражение [как процесс] возникает благодаря возвращению (redeundo) через то же самое, а здесь нет возвращения (reditio) ни благодаря форме, ни благодаря интеллекту, оформленному формой (ведь [они] не воспринимаются<sup>38</sup>, когда формируется слово), то рождение слова не является отраженным.

Рождение слова  
как образа вещи

Ведь через действие интеллекта порождается не само слово, не его подобие, не подобие той формы, которой интеллект формируется, как если бы слово было ее выраже-

<sup>34</sup> Spiritualiter противоположно corporaliter, см., например: S. Th. I, q.2, ar.4, r.2.

<sup>35</sup> То есть quidditas самой себя.

<sup>36</sup> То есть интеллигибельную форму. Чтойность самодостаточна, и душа как познаваемое не нуждается в интеллигибельной форме; однако форма становится необходимой, если душа хочет себя познать.

<sup>37</sup> De an. III 429b5-10.

<sup>38</sup> То есть они уже не являются объектом дальнейшего действия.

нием, а подобие вещи. Ведь создается подобие того, что познается в своем подобии. Однако само слово есть подобие той [интеллигибельной] формы, которой оно порождено, и есть ей подобнейшее. Подобие же вещи есть как бы то, чем становится [слово]<sup>39</sup>, и как бы образец для него.

Из этого не следует, что сам формирующий [интеллект] сначала рассматривает вещь и после формирует в себе слово о вещи или ее образ, так как иметь в себе форму вещи означает использовать ее вместо рассматриваемого образца. Мастера же, рассматривающие свои образцы, ничего другого не ищут, кроме самих форм образцов. А та форма, которую берет интеллект, приходит к нему от вещи, которую не сам он исследует, а чувство. И так как [форма] есть подобие вещи, она есть начало его [слова] рождения. Таким образом, в интеллекте может быть рождение через прямое действие, так как никакая из его [частей] не порождается.

Следовательно, прямо от самой формы происходит переход в само слово, так как воспринимается<sup>40</sup> не его субъект<sup>41</sup>, но вещь, первым подобием которой является [форма]. Слово настолько ближе к этому подобию, насколько совершеннее рождено. Поэтому слово мыслящего соответствует начальному интеллекту<sup>42</sup> (*principio intellecto*), из которого и формы получается одно; однако субъект не оформляется одновременно противоположными проявлениями (*accidentibus*) одного и того же рода (*speciei*), так как невозможно одну и ту же поверхность оформлять сразу двумя белизнами: ведь невозможно, чтобы и то и другое проявление (*accidens*) было, когда нечто уже возникло<sup>43</sup>. Слово же есть то, в чем нечто понимается так же, как свет, в котором нечто видится; [интеллигибельная] форма же есть то, чем осуществляется познание, как вид (*species*) цвета во внешнем зрении; и [эта] аналогия была бы полной (*foret simillimum*), если бы свет порождался из вида цвета, как получается слово из формы; но внешнее не способно к выражению внутреннего. И поэтому допустимо, чтобы то и другое было акциденцией (*accidens*), т.е. форма и слово, из формы рожденное, так

<sup>39</sup> То есть как что оно создается.

<sup>40</sup> То есть является объектом действия.

<sup>41</sup> То есть душа.

<sup>42</sup> То есть потенциальному.

<sup>43</sup> То есть невозможно, чтобы интеллект одновременно формировали интеллигибельная форма и слово, из нее рожденное. Оба отражают вещь и имеют интенциональную природу (связанную с направленной на них волей к познанию). Но, поскольку одно из них начинает процесс мышления, а другое венчает, они глубоко различны.

Слово более подобно вещи, чем сама форма

как то и другое есть в душе как в субъекте; слово же становится бóльшим подобием субстанции, чем сама форма. Так как интеллект стремится прийти к чтойности (*quidditatem*) вещи, то в форме нематериально (*spiritualiter*) проявляется действие<sup>44</sup> (*virtus*) чтойности вещи, через что чтойность нематериально формируется внутри<sup>45</sup>; так же, как в жаре есть сила формы (*formae*) огня, через которую можно прикоснуться к субстанциальной форме (*ad formam substantialis*) огня в ее проявлении, которая сама по себе непостижима; следовательно, слово, будучи последним, что может появиться внутри посредством [интеллигибельной] формы, больше подходит (*accedit*) к вещи, которую нужно выразить, чем сама по себе (*nuda*) форма вещи.

Слово предшествует познанию

Следовательно, так как мыслимая вещь мыслится тем же самым действием, которым интеллект формируется своей формой, а формирование предшествует пониманию (*prius est informari quam intelligere*) по природе, но не по времени, то представляется, что слово, которое следует за интеллигибельной формой вещи, так же следует за размышлением о ней. Этого бы не было, если бы через форму вещи интеллект доходил бы до самой вещи, как она [есть] в себе (как зрение видит цвет, существующий вне него), и тогда формировалось бы в нем слово о вещи, уже понятой. Но так как интеллект, принимающий форму от вещи через чувство, приводится посредством ее [формы] в вещь не как она есть по природе, но как [она] есть в нем [интеллекте], то он сам творит в себе объект<sup>46</sup>, который в нем познается; объект же по природе (*naturaliter*) бывает прежде, чем действие, с ним (*circa obiectum*) возможное: т.е. слово, которое есть внутри самого интеллекта, предшествует способности к познанию, ограниченной (*terminato*) им самим.

Слово предшествует пониманию

Различаются то, от чего принимается форма (т.е. сама вещь), и то, чем ограничивается действие интеллекта — т.е. подобие вещи, сформированное интеллектом<sup>47</sup>. Из сказанного ясно, каким образом получается первенство (*prioritas*)<sup>48</sup> одного над другим. Ведь по природе прежде

<sup>44</sup> Перевод *virtus* как «действия» здесь достаточно условен. Связанные с этим употреблением слова коннотации можно продолжить как «сила, энергия, эманация, свечение». Здесь важен, с одной стороны, момент «истекания», «излияния», с другой — присущность и соответствие его эманации.

<sup>45</sup> То есть в душе формируется ее «нематериальный», познавательный аналог.

<sup>46</sup> То есть слово.

<sup>47</sup> Слово.

<sup>48</sup> Имеется в виду первенство не по важности, а по природе и по времени.

бывает интеллект, оформленный формой, которая есть первое условие для мышления, с помощью которого рождается слово; и следовательно, мышление предшествует слову в его [слова] происхождении (*in radice*), и слово есть предел действия интеллекта. Но так как объект не воспринимается (*non habetur*) никак иначе, кроме как в слове, как уже сказано, [а] объект существует прежде, чем какое-либо действие, в нем оканчивающееся, следовательно, слово предшествует пониманию.

Действие интеллекта не ограничивается внешней вещью

Со всем этим связано то, что действие интеллекта не имеет пределом внешнюю вещь, от которой он приобретает форму, так как [вещь] есть в себе. Ведь если бы интеллигибельная форма была рождена вести интеллект к вещи как она есть в себе, как вид (*species*) цвета ведет к цвету, слово во всех смыслах (*omnibus modis*) предшествовало бы пониманию. Отсюда ясно, что слово не есть то, что следует за интеллектом сразу после актуализации<sup>49</sup> интеллекта (*rationem intellectus*): ведь так слово просто предшествовало бы действию интеллекта, т.е. пониманию; но слово следует сразу за действием интеллекта, [действующего] с помощью формы, от которой происходит слово как акт из акта, а не как акт из потенции. Отсюда, слово позже акта понимания со стороны интеллекта; итак, как [уже] сказано, слово следует за пониманием не в себе, но в своем происхождении (*in sua radice*). Если бы действительно интеллект получал от слова форму раньше, чем мыслил бы само слово и вещь в слове, таким образом, невозможно было бы мыслить и образовывать слово, [опираясь на] его основание (*principium*), как невозможно интеллекту создать вовне вещь, от которой он забирает форму.

Слово и рефлексия

Из сказанного легко понять, почему интеллект не говорит о себе, когда формирует слово соответственно вещи. Душа как бы трансформирована в вещь через форму, с помощью которой делает то, что делает; отсюда, когда [интеллект] актуально сформирован ею [формой], [он] порождает слово, которое называет вещь, чью форму [он] имеет, а не его. Действительно, когда [он] стремится себя воспринять, так как [он] не познаваем иначе как [нечто] иное через форму иного ведь [он] не нуждается в форме, чтобы понимать – это [он] может и из себя; [он] не имеет в себе, чтобы познавать, форму, которая формировала бы слово о нем, но принимает от себя познаваемую форму, не [как] свою, но [как] вещи, чьей

<sup>49</sup> Неясное место. Предлагаемый перевод «актуализация» – т.е. приведение в актуальное состояние, имеющее место прежде собственно действия интеллекта.

[формой] [интеллект] по необходимости формируется, чтобы вещь была познанной, как уже сказано. Когда же [интеллект] формируется этой формой, тотчас себя познает; и это происходит через отражение, так как эта форма прежде бывает принята от вещи, чем через саму себя сформирована и понята. Формирование слова не следует прежде, нежели его понимание; но когда [интеллект] уже понял, [он] формирует слово о себе; и следовательно, понимание не по времени, но по природе необходимо предшествует, когда [интеллект] постигает сам себя. И когда себя постигает, творит не весь объект, но что-либо с собой<sup>50</sup>: облачается же в себя, и когда себя постигает – это и есть слово о себе; и то, от чего принимается форма, не отличается от того, в чем завершается [познание] – это одно и то же.

«Бог есть Свое Слово»

Но так как это есть форма вещи, и [она] не порождена из чистой сущности, сформированное через форму вещи слово о душе не есть в чистом виде слово о душе, но слово о названной вещи. Если же очищенная от всех вещей [душа] восприняла бы себя, и породила бы в себе свое подобие, это ее слово было бы чистым (*purum*), не имея подмешанным ничего постороннего. Таково Слово Бога, которое есть по природе то же самое, что и Отец, произносящий само Слово. Слово же души, таким образом о себе говорящей, было бы акциденцией, и таким образом, было бы иной природы, нежели душа, хотя оно было бы ее акциденцией, и ею и из нее создано: ведь сама душа субстанция творить не может. Бог же никаких различий в Своей природе не имеет; следовательно, Бог есть Свое Слово, истинная субстанция и эманация (*virtus*).

«И этого о слове сказано достаточно...»

Бог, так как все единым взором видит, одним словом все называет; мы же много слов имеем из-за слабости нашего интеллекта в мышлении. И из этих [слов] некоторые возникают из других, как слово следствия из причин; некоторые же нет, как в вещах, которые не имеют связи друг с другом, как это ясно о камне и бревне; некоторые тотчас открываются пониманию, некоторые нет; некоторые с большим, некоторые с более кратким рассуждением (*discursu*). Следовательно, некоторые слова наши требуют большего размышления, некоторые – меньшего, и некоторые формируются быстрее, а некоторые медленнее, так, приобрести знание некоторых выводов медленнее и труднее, некоторых – легче и быстрее. И этого о слове сказано достаточно.

<sup>50</sup> При этом не происходит полностью процесс порождения интеллигибельной формы как аналога чьей-то, очищенного от фантазмов.

